

**ВАК-анализ как способ исследования
психофизиологического компонента поэтической речи / VAK-analysis as a
Method of Psychophysiological Study of a Poetic Speech Component**

Аннотация: При всем многообразии употребляемых в научной литературе обозначений органолептических особенностей художественной речи, мы все же не располагаем сегодня ни единым тезаурусом суггестивных явлений, ни инструментарием их анализа. Мы считаем, что для профессионального исследования суггестивных свойств поэтической речи необходима опора на знания подсознательных психических процессов. В связи с чем представляется обоснованным обращение к опыту смежных наук. Так, словарь нейролингвистики предоставляет нам четкие и емкие обозначения основных репрезентативных модальностей: визуальная, аудиальная, кинестетическая – сокращенно ВАК. Использование терминов и методов ВАК-анализа в литературоведении позволяет унифицировать многообразную органолептику современных исследований и является инструментом для получения новых данных об особенностях поэтической речи. Выявление ведущей сенсорной модальности речи поэтов позволяет по-новому взглянуть на их творчество. В частности, установлено, что в поэзии Мандельштама доминирует практически чистый кинестетический код: 75% кинестетических предикатов по отношению к предикатам других модальностей, что позволяет иначе взглянуть на особенности образной системы и некоторые закономерности восприятия лирического текста поэта. Также в ходе проведенных исследований была обнаружена прямая зависимость между ведущей репрезентативной системой читателя и репрезентируемой сенсорной модальностью предпочитаемого им поэта.

Ключевые слова: ВАК-анализ, визуальный, кинестетический, аудиальный, Мандельштам, суггестия, поэзия, лирика, подсознание

Abstract. Nowadays the study of poetic language involves the research of the subconscious components. We have the great variety of organoleptic characteristics in these researches, but we neither possess a thesaurus to indicate suggestive phenomena, nor the tools for their analysis. It is necessary to use the tools and thesaurus of the science, which has already been developing the theory of the subconscious for more than fifty years, such as psycholinguistics and neuropsychology. Thus the concept of VAK analysis is the study of auditory, visual and kinaesthetic predicates and images (olfactory and gustatory predicates have been including in kinaesthetic system). The study of the most part (about

500) of Mandelstam's verses according to the VAK system has allowed us to establish that in his lyrics kinesthetic predicates have dominated. The system we use to experience and to represent the world is called our primary representational system. O. Mandelstam represents the world primarily kinaesthetically. The share of kinesthetic predicates in the poetic text of O. Mandelstam is 75% which is an incredibly high. Some people actually do use two or more systems absolutely simultaneously. But poetic language of Mandelstam has represented almost pure kinesthetic code.

Keywords: VAK-analysis, visual, kinaesthetical, auditory, Mandelstam, suggestion, poetry, lyrics, subconscious

В поэтической речи ассоциативные и суггестивные смыслы зачастую оказываются чуть ли не важнее лексических значений. Эти не прямые смыслы слов обладают эмпирическим, а не рациональным содержанием. О сенсорных валентностях художественной речи сегодня много говорится («память боков, колен и плеч» Пруста, многоканальность Джойса, тактильная онтология Манделштама и пр.), но их подлинное изучение еще не началось. Потому что, во-первых, мы не располагаем тезаурусом для обозначения суггестивных явлений, а во-вторых, инструментарием для их анализа.

Предмет нашего исследования – подсознательный аспект коммуникативного воздействия поэтической речи, который следует отличать от изучения невербальных явлений, отраженных в художественном тексте: жестов, мимики и пр. Невербальному общению людей посвящено много исследований, наиболее заметные среди них: А. Меграбян – «Психодиагностика невербального поведения» (СПб., 2001) Г.Е. Крейдлин – «Невербальная семиотика» (М., 2002). В последнем труде разработана утвердившаяся ныне классификация невербальных форм поведения человека: кинесика (язык жестов), окулесика (язык взглядов), гаптика (формы и смыслы касаний) и пр. Однако изображение в литературе невербального общения не имеет отношения к предмету нашего исследования. Мы занимаемся исключительно вербальными явлениями, суггестией, заключенной в самом слове, а не в способности текста воспроизводить невербальные аспекты поведения людей.

Попытки типологизации и классификации сенсорных валентностей поэтического слова начали предприниматься около 100 лет назад. Показательно здесь выдвигание категории видимого / невидимого в лингвистике и культурологии 1920–1940-х гг. ([Топоров 1995]), литературоведческие работы о тактильности поэтических текстов, об ольфакторных эпитетах, о звукописи и цветописи поэзии ([Борейко 2006; Крюкова, Двизова 2011; Хархур 2002; Арзамазов 2010]). Изучение суггестивного подтекста поэзии – перспективная область современного литературоведения. Существует множество индивидуально авторских обозначений органолептических особенностей поэтической речи: семантика осязания, тактильность, цветопись, феномен визуального, ольфакторный модус, соматический язык, особая степень вещественности, психофизиологический компонент и т. д. Но единого понятийного аппарата нет, и пока он не выработан – дальше общего понятия «суггестия» мы не продвинемся.

Возможно, творчество Осипа Манделштама остается во многом «темным» из-за неразработанности понятийно-терминологического аппарата анализа стиховой материи, которая игнорирует «поясняющую образность» [Манделштам 2010:

159] и представляет собой порыв к «чистой сути», «внутренний слепок» пульсирующей жизни [Мандельштам 2010: 27].

Стихотворение Мандельштама – не повествование, не размышление, не описание, вообще не статичное явление, а движение души, как в янтаре, запечатленное в строках; звучащий внутренний «слепок» души, как говорил поэт. Стихотворение Мандельштама невозможно объективизировать, пересказать, потому что оно лишено внешней поясняющей образности. Зато оно требует от читателя способности включиться в транслируемый поток ощущений и переживаний. На языке современной психологии можно сказать, что стихотворение Мандельштама равно «психическому явлению», т. е. «факту внутреннего, субъективного опыта» [Гиппенрейтер 2002: 19]. Этот опыт передается от поэта к слушателю и никаких остановок в пути не признает. По сути, понимание стихотворения Мандельштама – акт, в первую очередь, бессознательный. Об этом говорили М. Цветаева и И. Бродский. А как это изучать?

Для адекватного разговора о такой поэзии нам нужна опора на знания о подсознании. Литературоведение здесь вплотную подходит к тому, чем уже занимаются смежные науки: лингвистика, психология, лингвопсихология и нейролингвистика. Не воспользоваться ли нам их тезаурусом и их данными в области подсознания, чтобы применить их в литературоведческом анализе?

Сегодня известно, что подсознание представляет собой «склад» сенсорных впечатлений, переданных через рецепторы в мозг, но отсеянных сознанием. Мы ежесекундно получаем огромное количество информации, но из-за множества фильтров до сознания добирается лишь малая ее часть. Остальное же «складируется» в подсознании.

Воздействие поэтического языка актуализирует этот неосознаваемый чувственный опыт, зачастую минуя сознание. За счет каких особых слов, особых синтаксических конструкций это происходит? К решению этого вопроса подходили многие ученые.

Об этом говорится и в известной статье пяти авторов о семантической поэтике (Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма»). Об этом размышляет В.Н. Топоров в статье «О психофизиологическом компоненте в поэзии Мандельштама» [Топоров 1995], говоря о «специальной, внутренне-интимной, подсознательной связи между автором и текстом, которая <...> берет начало в психофизиологическом субстрате человека, в его органике» [Топоров 1995: 428]. «Этот психофизиологический компонент присутствует в самом поэтическом тексте» [Топоров 1995: 429], утверждает Топоров и предлагает особый термин – «тактильная онтология» Мандельштама.

«В <...> стихах Мандельштама, – пишет другой исследователь, М.С. Павлов, – образный ряд ориентирован на восприятие сразу несколькими органами чувств: зрением (сюда относятся почти все конкретные образы, в том числе цветообозначения: зелень, молочный...); осязанием (клеякая клятва листов); слухом (гремящий парк, кваканье лягушек)» [Павлов 1995: 126].

Цитируем А.А. Фаустова: «Ориентация <...> на осязание в качестве первичного, “соматического” языка переживания определяет глубинные особенности поэтической реальности (у Мандельштама. – А.Ж.), ее “мифологию” <...>. Прикосновение заменяет у Мандельштама всматривание и при этом мыслится как некий естественный способ коммуникации» [Фаустов 1995: 235].

Как видим, литературоведы едины в признании того, что поэзия Мандельштама прочувствованно телесна, но описывают данное ее свойство с помощью метафор и необычных словосочетаний: «величина тактильности», «чувственная логика», «технологичное восприятие», «степень вещественности», «тактильная онтология», «психофизиологический компонент», «мудрость осязаемого вожделения» и т. д. А ведь речь идет пока только об одном канале сенсорного восприятия – кинестетическом, доминирующем у Мандельштама. Всего органов чувств у человека пять, и ситуация сегодня такова, что для разговора о визуальной, аудиальной, вкусовой и обонятельной репрезентативных системах практически каждый раз выдумывается особая лексика.

Однако если не изоцряться в вариантах, а обратиться к опыту нейролингвистики, которая последние лет пятьдесят активно изучает сенсорные модальности и репрезентативные системы, можно позаимствовать краткие и емкие обозначения: визуальная, аудиальная, кинестетическая репрезентативные системы, сокращенно ВАК. Обонятельная и вкусовая модальности вошли в кинестетическую.

Нейролингвисты доказали, что у людей одни органы чувств оказываются «успешнее», чем другие, и оттого лишь одна репрезентативная система становится ведущей у каждого человека, т. е. он воспринимает и описывает мир через призму какой-то одной модальности. Поэтому, хотя мы думаем, что говорим на одном языке, на самом деле можно говорить о трех вариантах этого языка по числу основных репрезентативных систем: визуальной, аудиальной и кинестетической. И визуалу не совсем просто понимать аудиала или кинестетика – и наоборот, потому что одни и те же образы они репрезентуют в терминах различной модальности.

Таким образом, ведущий тип репрезентативной системы оказывает влияние на процесс поступления, переработки, хранения и воспроизведения информации. При коммуникации человек неосознанно выбирает те речевые средства, которые соотносятся с его ведущей репрезентативной системой. Неприятие ситуации визуал охарактеризует «в черном цвете», аудиал будет говорить о «фальшивых нотах» и «диссонансе», а кинестетик выразит ощущение «горького осадка» или «отвращения». Преобладание в речи предикатов (т. е. глаголов, наречий, прилагательных) той или иной модальности информирует нас о ведущей репрезентативной системе говорящего, о его способе воспринимать и отражать информацию о мире.

Изучение основного корпуса (около 500) стихотворений О. Мандельштама позволило нам установить, что в его творчестве кинестетические предикаты не просто доминируют, а практически вытесняют предикаты всех других модальностей. Поэтическая речь Мандельштама являет практически чистый кинестетический код.

Не с этим ли связана основная сложность понимания и «расшифровки» его стихотворений? Проведенные нами исследования показали, что доля кинестетических предикатов в поэтической речи Мандельштама по отношению к предикатам остальных модальностей составляет 75% [Хлыстова 2009: 47]. Да и визуальные и аудиальные слова поэт чаще использует в несвойственной им репрезентативной системе:

...звук в персты прольется...
...слух чуткий парус напрягает...
...удлиненных звучаний рой...
...янтарная сухость...
...Звук сузился...
...Ясный стан, прямизна речей...
... речи темные глотая... .

Использование ВАК-анализа, т. е. анализ поэтической речи с точки зрения наличия в ней предикатов различных модальностей, дает широкие возможности для исследований и открытий. Например, проведенный эксперимент по сопоставлению ведущих репрезентативных систем поэтов и читателей выявил, что в качестве любимых читатели выделяют поэтов с той же ведущей репрезентативной системой, что у них самих [Хлыстова 2007].

Интересные данные получены при анализе стихотворений-двойчаток Мандельштама, вызывающих вопрос исследователей: зачем на одну тему и практически одними и теми же словами писать два равнозначных стихотворения. Ведь двойчатки Мандельштама – это равноценные стихотворения, разрабатывающие одну тему, а не предшествующий и последующий варианты. Для чего писать про одно и то же два стихотворения? Оказывается, закономерность двойчаток в том, что они различаются количеством кинестетических и визуальных предикатов: один вариант, обычно первый, содержит привычный для мандельштамовской речи высокий процент кинестетических предикатов, т. е. написан в родной модальности поэта, а второй вариант характеризуется увеличением доли визуальных предикатов при уменьшении кинестетических, что свидетельствует о диссоциации лирического героя от ситуации, о взгляде на нее как бы «со стороны». Стихотворения-двойчатки – это два разных ракурса рассмотрения одной ситуации: ассоциированный «изнутри», через себя (тот, где больше кинестетических предикатов) – и диссоциированный, более отстраненный, объективный (с большим количеством визуальных предикатов).

«Заблудился я в небе, что делать?» – под этим названием у Мандельштама существуют два стихотворения, первое из которых датировано (в последнем собрании сочинений издательства «Прогресс-Плеяда») 9 (?) марта 1937 г., второе – 9–19 марта 1937 г. Давайте разбираться. Первый вариант более понятный, прозрачный. Второй – по-мандельштамовски невнятный, запутанный с точки зрения смысла и образа.

Заблудился я в небе – что делать?
Тот, кому оно **близко**, – ответь...
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть.
Не **разнять** меня с жизнью – ей снится
Убивать – и сейчас же **ласкать**,
Чтобы в уши, в глаза и в глазницы
Флорентийская **била тоска**.
Не **кладите** же мне, не **кладите**
Остроласковый лавр на виски,
Лучше сердце мое **расколите**
Вы на *синего звона* куски...
И когда я умру, отслуживши,
Всех **живущих прижизненный** друг,
Чтоб раздался и *шире* и *выше*
Отзвук неба **во всю мою грудь!**
9 (?) марта 1937

Заблудился я в небе – что делать?
Тот, кому оно **близко**, – ответь! –
Легче было вам, Дантовых девять

Атлетических дисков, звенеть,
Задышаться, *чернеть*, *голубеть*...
 Если я не вчерашний, не зряшный –
 Ты, который *стоишь надо мной*, –
 Если ты виночерпий и чашник,
 Дай мне силу без пены пустой
 Выпить здравье **кружащейся** башни
Рукопашной лазури шальной...
 Голубятни, *черноты*, скворешни,
 Самых *синих теней образцы*
 Лед весенний, лед *высший*, лед вешний,
Облака – обаянья борцы, –
Тише: тучу ведут под *узды*!

9–19 марта 1937

Временно отойдя от разговора о подтекстах и интертекстах, культурно-исторических связях и литературных ассоциациях, проведем ВАК-анализ предложенных стихотворений. (Мы считаем ВАК-анализ отнюдь не самодостаточной и не исчерпывающей методикой, а лишь первым шагом к погружению в подсознательно-субъективную природу поэтического слова. Но шагом эмпирически весомым.)

В первом стихотворении двойчатки находим 8 беспспорно кинестетических предикатов (*легче*, *разнять*, *ласкать*, *била*, *кладите* (2), *остроласковый*, *расколите*), один предикат двойной модальности (и кинестетической, и визуальной) – *близко*; одну кинестетическую номинализацию (т. е. передачу действия существительным) – *тоска*; один кинестетический образ: *отзвук неба во всю мою грудь*; и фонетический комплекс с семантикой «жить» – *живущий прижизненный*. Итого 12. Также здесь есть 4 визуальных предиката: *близко*, *синего*, *шире*, *выше*. И 4 аудиальных слова, два предиката и две номинализации: *ответь*, *звенеть*, *звон*, *отзвук*. Итого: 12 – 4 – 4.

Это стихотворение – переживание, где смысловой акцент приходится на кинестетический образ последней строки: «Отзвук неба во всю мою грудь». Если смысл жизни в том, чтобы жить, значит, смысл поэзии – в том, чтобы чувствовать жизнь каждого и историю всех живущих в себе самом, – и об этом писать стихи. Отметим также редкую для Мандельштама синестезию в последних строках – объединение в одном смысловом поле визуальных, аудиальных и кинестетических предикатов, где кинестетическому образу – *во всю мою грудь* – отводится маркированное финальное место: «Чтоб раздался и шире и выше // Отзвук неба во всю мою грудь!»

Во втором стихотворении двойчаток кинестетических предикатов 6 (*близко*, *легче*, *задышаться*, *кружащейся*, *рукопашной*, *шальной*), из них два – двойственной модальности, и визуальной, и кинестетической: *близко*, *кружащейся*. Зато визуальных слов здесь значительно больше: 6 предикатов (*близко*, *чернеть*, *голубеть*, *кружащейся*, *синих*, *высший*), 4 номинализации (*лазурь*, *чернота*, *тени*, *образцы*), один визуальный образ: *стоишь надо мной*, и одна фонетически зашифрованная визуализация, рифмующаяся к слову «образцы»: *облака – обаянья борцы, узды*.

Мы считаем, что *образцы*, упомянутые сначала в описательном контексте (*самых синих теней образцы*), далее через фонетически-поэтическое ассоциативное напевание (*облака – обаянья – борцы – узды*), по интенсивности сравнимое со

священным безумием юродивого, семантически возвышаются до религиозного «образа», отражающего бога, смотрящего с небес и... укрощающего, возможно, силы тьмы: «Тише: тучу ведут под уздцы!»

Итак, визуальных слов во второй двойчатке значительно больше, чем в первой, – 12. И здесь есть три аудиальных предиката: *ответь*, *звенеть*, *тише*. Согласно нашим исследованиям [Жучкова 2016: 100] увеличению количества визуальных слов в двойчатках всегда соответствует значительное уменьшение кинестетических и незначительное уменьшение аудиальных предикатов. Итого: 6 – 12 – 3.

В первом стихотворении двойчатки говорилось о том, что поэзия – это принятие и переживание земных страданий, но переживание высокое, при котором сердце раскалывается на *синего звона куски*; это высокая служба ради отклика неба. Все первое стихотворение – слитное лирическое переживание. Второе стихотворение смещает ракурс, показывает диссоциированный, словно немного со стороны взгляд на «дело поэта». В нем есть две фигуры: фигура поэта, выраженная лирическим *я*, и тот, кто стоит над поэтом, к которому поэт обращается, как Христос в Гефсиманском саду: дай мне сил, чтобы выпить эту чашу, принять страдания за людей:

Ты, который стоишь надо мной, –
Если ты виночерпий и чашник,
Дай мне силу без пены пустой
Выпить здравье кружащейся башни
Рукопашной лазури шальной...

В конце стихотворения зрительные и фонетические образы сливаются, интонации становятся кликушескими («Лед весенний, лед высший, лед вешний, // Облака – обаянья борцы») и одновременно исполненным сакральности: «Тише: тучу ведут под уздцы!» Все неслучайно, все целесообразно, едино, целокупно и исполнено высшей силы (об этом – последние стихотворения «Воронежских тетрадей»). И даже тучи на небосклоне ведомы – *под уздцы* – высшей волей.

Прочтение этой двойчатки с использованием ВАК-анализа позволяет как понять размышления Мандельштама о роли и значении поэта (второй, диссоциированный вариант), так и прикоснуться к его собственным глубинным переживаниям этой роли (первый вариант, богатый кинестетическими предикатами и образами).

Итак, мы считаем, что ВАК-анализ позволяет унифицировать многообразную органолептическую терминологию современного литературоведения и также является инструментом для получения новых данных об особенностях поэтической речи.

Но ВАК-анализ – только первый шаг изучения подсознательной составляющей поэтического текста. Психологические и нейролингвистические исследования позволили эксплицировать речевые структуры, использующиеся при гипнотической коммуникации, проще говоря, приводящие реципиента в состояние транса. Наши исследования подтверждают, что все они присутствуют в поэзии Мандельштама.

Итак, используя возможности лингвистики и психологии в интересах литературоведения, мы можем изучать поэтический язык как двухуровневую структуру, осуществляющую коммуникацию и на сознательном, и на подсознательном уровне.

ИТЕРАТУРА

Арзамасов А.А. Феномен визуального в современной удмуртской поэзии (на анализе творчества М.П. Захарова). Монография. Ижевск: Удмуртский государственный ун-т, 2010. 232 с.

Борейко Т.С. Ситуация тактильного восприятия: способы представления в системе русского языка и в языковом сознании индивида: Дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 224 с.

Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М.: Юрайт, ЧеРо, 2002. 336 с.

Жучкова А.В. Изучение подсознательной составляющей поэтической речи О. Мандельштама // Вестник Томского. гос. ун-та. Филология. 2016. № 3(41). С. 96–105.

Крюкова Л.Б., Двизова А.В. Семантическая модель тактильного восприятия и ее реализация в поэзии Б. Пастернака // Вестник Томского ун-та. 2011. № 352 (нояб.). С. 22–26.

Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта: Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама. М.: РГГУ, 2001. С. 282–316.

Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 2. М.: Прогресс-плеяда, 2010. 760 с.

Павлов М.С. Семантическая поэтика и комплексный анализ текста // «Отдай меня, Воронеж...»: третьи международные мандельштамовские чтения: [Сб. статей] / Мандельштамовское общество. Воронеж: Издание Воронежского университета, 1995. С. 122–133.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Прогресс, 1995. С. 428–446.

Фаустов А.А. Миф как зрение и осязание: Введение в художественную онтологию Мандельштама // «Отдай меня, Воронеж...»: третьи международные мандельштамовские чтения: [Сборник статей] / Мандельштамовское общество. Воронеж: Издание Воронежского университета, 1995. С. 234–241.

Хархур Товий. Я вижу слово, или Методы визуализации поэтического текста // Лимб. 2002. № 1 (limb.dat.ru/No12/essay/harhur3.shtml).

Хлыстова А.В. Магия поэтики О. Мандельштама. М.: РУДН, 2009. 209 с.

Хлыстова А.В. Поэтическая модель подсознательной коммуникации в лирике Осипа Мандельштама: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М.: РУДН, 2007.

REFERENCES

Arzamasov A. (2010) The Phenomenon of the Visual in Modern Udmurt Poetry (On the Analysis of the Works of M.P. Zakharova). A Monograph. Izhevsk. Udmurt State University Press. 2010. 232 p.

Boreiko T.S. (2006) The Situation of Tactile Perception: Ways of Representation in the System of the Russian Language and the Linguistic Consciousness of an Individual: PhD Thesis. Omsk. 224 p.

Faustov A.A. Myth as Vision and Touch: An Introduction to the Art Ontology Mandelstam. In: "Give Me, Voronezh...": [Coll. articles] / Mandelstam's Association. Voronezh. Voronezh State University Press. 1995, pp. 234–241

Gippenreiter Yu.B. (2002) Introduction to General Psychology. Moscow. Yurait; CheRo Publ. 336 p.

Harhur T. I see a Word, or the Methods of Visualization of the Poetic Text. *Limb*. 2002. No 1 (limb.dat.ru/No12/essay/harhur3.shtml).

Khlystova A.V. (2007) Poetic Model of Subliminal Communication in Osip Mandelstam Lyrics: Synopsis. PhD / RUDN University. Moscow.

Khlystova A.V. (2009) The Magic of O. Mandelstam Poetics. Moscow. RUDN University Press. 209 p.

Kryukova L.B., Desova V.A. The Semantic Model of Tactile Perception and its Realization in the Poetry of B. Pasternak. Tomsk State University Bulletin. 2011. No 352. November, pp. 22–26.

Levin Y.I., Segal D.M., Timenchik R.D., Toporov V.N., Tsivjan T.V. Russian Semantic Poetics as a Potential Cultural Paradigm. In: Death and the Immortality of a Poet. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 60th Anniversary of O.E. Mandelstam Death / Russian State University for the Humanities. Moscow. 2001, pp. 282–316.

Mandelstam O. The Complete Works and Letters: In 3 vols. Vol. 2. Moscow. Progress-plejada Publ. 2010. 760 p.

Pavlov M. S. Semantic Poetics and Complex Text Analysis. In: “Otday menya, Voronezh...”: [Coll. articles] / Voronezh. Voronezh State University Press. 1995, pp. 122–133.

Toporov V.N. (1995) Myth. Ritual. Symbol. Image. Moscow. Progress Publ., pp. 428–446.

Zhuchkova A.V. The Study of the Subconscious Component in O. Mandelstam’s Poetry. *Tomsk State University Bulletin. Philology*. 2016. No 3, pp. 94–105.

Сведения об авторе:

Анна Владимировна Жучкова,
канд. филол. наук

доцент

кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов

Anna V. Zhuchkova,
PhD

Assistant Professor
Department of Russian and Foreign Literature
Peoples’ Friendship University of Russia
capra@mail.ru